

Селезнев Николай Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент Института
восточных культур и античности РГГУ

Христианские сообщества на Востоке по свидетельству Леонхарта Раувольфа

Аугсбургский медик и натуралист Леонхарт Раувольф (1535–1596) известен широкому кругу читателей в основном как первый европеец, сообщивший о существовании кофе. О приготовлении и употреблении этого напитка он рассказал в записках о своих путешествиях по странам Леванта и Месопотамии – «Aigentliche Beschreibung der Raiß, so er vor diser Zeit gegen Auffgang inn die Morgenländer»¹. Это путешествие было им предпринято в 1573–1576 гг. и имело главной целью изучение лекарственных растений. По возвращении Раувольф представил коллегам собранный им гербарий и получил с их стороны заслуженное признание, но его пространственный травелог вызвал не меньший интерес у специалистов в самых разных областях.

В конце третьей части (главы X–XX²) этих записок Раувольф дает обзор христианских сообществ, «главным образом тех, кого всегда можно найти в храме на горе *Calvaria* [Голгофы]», т.е. тех, кто представлен присутствием в храмовом комплексе Гроба Господня. Деся-

¹ Leonharti Rauwolfen, der Arzney Doctorn, und bestelten Medici zu Augspurg. Aigentliche beschreibung der Raiß, so er vor diser zeit gegen Auffgang inn die Morgenländer, fürnemlich Syriam, Iudæam, Arabiam, Mesopotamiam, Babyloniam, Assyriam, Armeniam u. nicht ohne geringe mühe unnd grosse gefahr selbs volbracht... Laugingen, 1583. См. также старинный английский перевод: A Collection of Curious Travels and Voyages, containing, Dr. Leonhart Rauwolf's Journey into the Eastern Countries, viz. Syria, Palestine, or the Holy Land, Armenia, Mesopotamia, Assyria, Chaldea, &c. / transl. from the Original High Dutch, by Nicholas Staphorst... / ed. by Rev. John Ray, F.R.S. Vol. II. London, 1738.

² Aigentliche beschreibung der Raiß..., S. 394–438; A Collection of Curious Travels and Voyages..., p. 275–308.

тая глава представляет собой очерк положения христиан под мусульманским владычеством, вслед за чем идут главы, каждая из которых посвящена той или иной общине: греков (гл. XI), сирийцев[-яковитов] (гл. XII), грузин (гл. XIII), армян (гл. XIV), несториан (гл. XV), коптов (гл. XVI), абиссинцев/эфиопов (гл. XVII), маронитов (гл. XVIII), латинян[-францисканцев] (гл. XIX), тамплиеров (гл. XX).

Если в прежние времена греки превосходили все народы мудростью и разумением, – говорит Раувольф, – обучая своих детей всевозможным знаниям в университетах, то нынче всё наоборот: во всей Греции нет ни одного университета, турки к грекам относятся с презрением, а греческий язык вульгаризировался и относится к древнему как итальянский к латыни. Наш протестантский наблюдатель отмечает, что греки отличны от «папистов» и собственной иерархией, и верованиями, и обычаями. Разделение между ними таково, что когда обнаружилось, что «папистский священник» отслужил мессу на греческом алтаре, греки сочли это профанацией, повторили чин освящения алтаря и повлекли этого священника к кадию, который приговорил того к штрафу.

Сирийцы[-яковиты] владеют в Иерусалиме церковью св. Марка. Они в своей религии подобны грекам, но литургию совершают на обычном арабском языке. Они показались Раувольфу в большей мере увлеченными предпринимательством, нежели религией, а жизнь при турецком правлении способствовала тому, что они переняли у турков их обычаи как в повседневности, так и в духовности. Покупка у них снадобий обычно сопряжена с риском получить вместо желаемого подделку.

Грузины – дружелюбны и простодушны, однако они крепкие и смелые воины, по внешности подобны персам. Они часто бывают с караванами в Алеппо. У них своя церковная иерархия, их священники, как и у армян, могут быть женатыми, и в учении они разделяют «заблуждения греков». В Иерусалиме у них есть собственные места для отправления церковных служб, в том числе в храмовом комплексе Гроба Господня.

Армяне – благочестивые и честные, весьма ревностны в своей религии, гостеприимны, что не раз приходилось отмечать Раувольфу, и сочувственны. Их купцы разбросаны не только по Турции, но и по «Персии и Индиям» и другим странам, особенно крупным городам. В Иерусалиме у них есть церковь св. Иакова и часовня. Они во

многим согласуются с принципами протестантизма (*reformierten Religion*), но некоторые их взгляды и обычаи, в основном связанные с избыточным вниманием к умершим, произвели на протестантского путешественника отталкивающее впечатление. Они игнорируют Римского папу, но к собственным иерархам относятся с великим почтением. В части воззрений и обычаев они ближе к абиссинцам/эфиопам, нежели к латинянам.

Несториане – во множестве населяют «Месопотамию, Халдею и Ассирию» (Раувольф отмечает, что постоянно встречал их в Эрбиле, Киркуке и Мосуле, бывшей Ниневию), и главным образом страну с горным массивом *Carduci*. Они воинственны и становятся разбойниками. Многие из их священников живут в храмовом комплексе на горе *Calvaria*. Это очень древний народ, о нем упоминает Ксенофонт. Их язык непонятен ни для арабов, ни для армян, ни для турок. Турки относятся к ним с уважением, в том числе потому, что монах из их общины Сергей крестил (*sic!*) и наставлял Мухаммада, за что тот велел относиться к ним благожелательно. Они, как и мусульмане, не именуют Деву Марию Богоматерью, но Матерью Христа, по человечеству. У них вместо Римского папы есть свой иерарх, которого они называют Католикосом (*Iacelich*). При совершении литургии они употребляют Халдейский язык. Говорят же они как на собственном языке, так и на арабском.

Копты (*Gofy*) именуются яковитами по имени «еретика Якова, ученика Александрийского патриарха». В христианство, как они утверждают, их обратил апостол Матфей, но потом они усвоили многие заблуждения и разделились на разные отделения и уклады (*Secten unnd Orden*). Некоторые приняли уклад св. Макария, который вместе с Евтихием утверждал, что есть только одна природа во Христе, а другие уклад св. Антония. Иные обрезают детей и «крестят огнем» (т.е. выжигают на теле крест). Они подчинены турецкому Султану, говорят на обычном арабском языке и в своих верованиях согласуются с абиссинцами и отчасти сирийцами-[яковитами]. Эта ересь отвергнута на Халкидонском соборе.

Абиссинцы/эфиопы живут в Иерусалиме в храмовом комплексе горы *Calvaria*, у них есть специальный проход в церковь, устроенный по соглашению их царя с турками, чтобы они всегда могли беспрепятственно входить и выходить. Они ходят непокрытыми, хотя бы и будучи богатыми и состоятельными, кожа их темно-коричневого

цвета. Раувольф отмечает, что при разговоре с ними через переводчи-ка, они проявляли себя вполне дружелюбно и всегда давали с распо-лагающей скромностью такие ответы, что каждый мог бы легко за-ключить, что у них хорошее понимание и разумение их религии. Далее он обрывочно излагает эфиопскую версию легенды о царице Савской, именуемой Македа (*Merquerda*), которая пришла в Иеруса-лим, чтобы увидеть великую премудрость и славу Соломона, пребы-вая там, забеременела от царя и родила сына по имени Менелик (*Meylich*). Позже он воцарился в Эфиопии. Как и копты, абиссинцы «крестят огнем» и носят на теле выжженные символы. Они сохраня-ют некоторые обычаи евреев. «Как и армяне», они держат великий пост, когда едят только растительную пищу, а их священники и вовсе только хлеб и воду. Подобным образом они постятся также каждую среду и пятницу. Священники у них могут быть женатыми, «согласно слову апостола Павла». Они преподают причастие и стару и младу, под двумя видами. Так же, как яковиты (Раувольф яковитами назы-вает именно коптов), они исповедуют свои грехи только Богу, и ни-кому более. Португальцы, путешествовавшие «в Индии», хорошо знают их, высоко ценят как воинов и рады их обществу.

Марониты – сначала были последователями «еретика Марона», который верил в одну природу, одно сознание и одно действие во Христе, «согласно мнению еретика Макария» (см. выше о коптах), но затем возвратились обратно в Папское исповедание. Хотя они его по-прежнему придерживаются, они преподают причастие мирянам под двумя видами, как и заповедано. Они живут в Сирии, но в основ-ном в горах Ливанских. Там, в монастыре на расстоянии одного дня пути от Триполи, живет их патриарх, весьма ими почитаемый. Он из-бирается народом, а затем утверждается Папой. Внешне марониты схожи с сирийцами и арабами, отличаясь только тюрбанами. Они от-важны и воинственны, и вместе с друзьями удерживают независи-мость от Султана. Они говорят по-арабски, и их книги писаны араб-ским письмом. Они сами держат строгий пост, но не вынуждают к тому же посещающих их купцов и паломников, принимая их весьма радушно. Они не имеют постоянного присутствия в храмовом ком-плексе, но посещают его как паломники.

Латиняне, или паписты, представлены в храмовом комплексе францисканцами. Они хранители Гроба Господня и Горы Сионской. В их владении и другие святые места – в Вифлееме, Иудее и Вифа-

нии. Они разбросаны по всему миру. Их глава — Римский папа. Они выделяются на фоне всех других упомянутых общин множеством нововведений. У них есть в Иерусалиме монастырь, насельниками которого являются испанцы, итальянцы, французы, немцы и другие представители западных царей, и светильники на Гробе Господнем, за которым они следят, — дары западных суверенов. Помимо упомянутого монастыря, у них есть церкви и в других местах. Они весьма радушно принимают паломников, не налагая на них постных ограничений. Сами они живут скромно и замкнуто, стремясь избежать нападков и вымогательств со стороны турков.

Храмовое рыцарство Иерусалима или Иоанниты. Рассказав о францисканцах, Раувольф пишет, что считает уместным вспомнить еще об одном ордене, представленном в Иерусалиме — тамплиерах. Храмовое рыцарство появилось в царствование Балдуина II де Бург, латинского короля Иерусалима. Этот орден больше светский, даже великосветский, чем религиозный, хотя накрепко связан с Католической Церковью и ее интересами. Задуманный Римским папой как оплот Церкви, оружием противостоящий туркам, всем неверным и еретикам (отдельно оговорено его противодействие лютеранам), он объединяет в себе представителей католической знати. Основную часть главы, посвященную тамплиерам, занимает описание Раувольфом процедуры принятия в орден нового члена, причем в конце он отмечает, что перечисленные строгости — дело прошлого, и в его время в этот орден вступить уже вовсе не так сложно, как прежде. Перевод части XX главы с описанием чина приема дается ниже в приложении.

XVI век — эпоха установления Османского владычества, которое с надеждами было воспринято в странах арабского мира (как мусульманскими, так и немусульманскими сообществами) и использовалось в качестве содействующей силы протестантскими кругами в Европе¹. Политический слом, происходивший на Востоке, неизбежно создавал если не объективную, то, во всяком случае, методическую сложность для последующего исследователя восточных христианских сообществ. Христианский Восток XVI века представлен в науч-

¹ *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран (1516–1574). М., 2001, С. 22–25.

ных работах по соответствующей тематике довольно слабо. В этой связи свидетельства европейских путешественников, такие как рассмотренные путевые записки Леонхарта Раувольфа, представляют собой особенно ценный материал. В них мы обнаруживаем примечательные указания на состояние и взаимоотношения общин христиан на Востоке, бытование в их среде тех или иных легенд, живую «картину повседневности».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ФРАГМЕНТ главы XX:

«Об Иерусалимском Храмовом Рыцарстве, Ордене Иоаннитов»

Уместно также вспомнить о другом Ордене, а именно Иоанновом Храмовом рыцарстве в Иерусалиме, который появился при ^[S.432] Балдуине де Бург, втором носившем это имя и третьем короле Иерусалима. Он более мирской, чем духовный, и поэтому отличается от других тем, что они [т.е. его члены] не должны совершать мессу и отправлять другие богослужения в церкви; когда они вняли мессе и помолились некоторое число раз «Отче наш» и «Аве Мария», они свою службу тем самым уже достаточно исполнили. Этот Орден был так задуман Его Святейшеством Папой и подкреплён им привилегиями, чтобы посредством его и его приверженцев противостоять Туркам, всем неверным и еретикам, выдворяя и изгоняя их оттуда, где Римская Церковь. И для того, чтобы он таковой замысел о себе с большей основательностью претворял в дело, в него допускали именно тех, кто имел хороший доход и большее имущество (таких как князья, графы и другая знать). И тогда часто бывало, особенно, когда Папство было ещё в более высоком и лучшем состоянии, что вместе с паломниками, желавшими путешествовать по святым местам и в Землю Обетованную, приходило также немало влиятельных высоких лиц, движимых не благоговением, но которые тоже приходили и сами посещали Гроб Господа нашего Христа, устремляясь к этому месту, на самом деле, чтобы стать примкнувшими к рыцарям. К этому они были движимы [желанием] более высокого титула, престижностью Города и большими привилегиями, на которые они здесь надеялись — ещё более высокое положение, большой престиж — вот

они и приходили. Когда же перед каждым из них излагали те пункты и положения, которые каждый [вступающий в Орден] должен был пообещать и поклясться строго соблюдать, некоторые великие и влиятельные люди считали ^[S.433] их настолько строгими (и это будет видно далее), что они не только оказывались озадаченными этим, но и открыто отказывались принимать это на себя. То, что излагалось перед ними в качестве условий принятия в рыцарство, а также церемонии, которые при этом совершались, я считаю уместным здесь вкратце пересказать.

Когда один (или более) из них оказывался готов и по призыву *Guardiani* (Хранителя), согласно старому обычаю исповедовался и также на горе *Calvariae* под одним видом причастился, его торжественно ведут в церковь на Святом Гробе, куда также доставляют относящиеся к этому [процессу] вещи, каковые суть красивая книга, меч, покрытый золотом, красный бархатный пояс, цепь, примерно в сотню венгерских дукатов, на которой висит золотой крест следующей формы, пару желтых шпор с ремнями из красного бархата, которые одна подле другой кладутся на алтарь Гроба.

Как только *Cavallier* [знатный претендент] заходит, они тотчас начинают исполнять мессу и затем снаружи от Гроба поют несколько псалмов на латыни. Между тем *Cavallier* на коленях лежит в [церкви на] Гробе перед *Guardiano* пока монахи не завершат пение. Затем *Guardianus* просит всех встать, чтобы за желающего стать рыцарем произнести «Отче наш» и «Аве Мария». Когда это сделано, он напоминает *Cavallieri* прежде, чем тот принесет свои обеты, как и каким образом он сюда допускается. Когда это произошло, он требует, чтобы присутствующие помолились за него еще раз, и напоминает *Cavallier*, рассказывая ему еще раз, что ^[S.434] впредь он сам по отношению к Римской Церкви должен быть покорным и послушным в своих действиях. Что он особенно с Турками и Лютеранами, как с врагами и еретиками, должен сражаться и противостоять им, пока его сердце горячо. Затем *Guardianus* продолжает говорить с ним, вопрошая его снова, принимает ли он все те положения (слово в слово как они записаны в книге повелением Его Святейшества Папы и его собственной рукой подписаны) и клянется ли он на Гробе соблюдать их. После сего, коль скоро он соглашается с таковыми требованиями с большой радостью и искренним сердцем, он благодарит возлюблен-

ного Бога, что Он удостоил его познания сего, и что с ним это произошло. Затем монахи снова начинают долгое пение, а *Guardianus* берет сии три вещи: цепь, меч и шпоры; и надевает их на него, украшая его ими как начинающего рыцаря. Наконец, он берет также книгу, полагает ее перед ним и доносит до его понимания перед [принятием] решения, в чем он должен поклясться. Когда это принято, тот снова опускается на колени и выставляет два пальца, которые *Guardianus* кладет на красный крест в книге и читает ему клятву, содержание которой гласит:

Во-первых, что он, пребывая в полном сознании, клянется следующими словами, не с притворным сердцем, но из рвения и истинного устремления, и с чистым сердцем исповедует и клянется Божиим всемогуществом, Римским престолом и Его Святейшеством Папой, что он есть добрый католик, наставленный в этой религии с детства и поныне, и что ^[S.435] на протяжении всей своей жизни он от нее не откажется, но будет Римскую Церковь защищать, отстаивать и оправдывать, словами и делами, против Лютеран и их сторонников, пока его сердце горячо; и что он не будет оставаться в том месте, где о Его Святейшестве Папе замышляется или говорится зло. Во-вторых, он клянется Божиим всемогуществом, Папой Римским и Крестом в Иерусалиме, что он из знати, в пятом поколении, как по отцу, так и по матери. В-третьих, он также клянется, что он настолько состоятелен, что не нуждается ни в торговле или другом предпринимательстве, ни в занятии средств или прошениях о поддержке, но что он имеет достаточно, чтобы жить на свой доход и также откладывать на трех лошадях, ежегодно поставляемых им Римской Церкви; и если возникнет нужда или приключится что-нибудь в ущерб Римской Церкви, он всегда будет с охотою готов, помимо этих трех лошадей, всем своим состоянием послужить ей. Он также должен пообещать, что все дни своей жизни он старательно будет присутствовать на мессе, внимая четырем или пяти в день, и будет со тщанием соблюдать постные дни, не будет вкушать ни мяса, ни жира, ни сыра, ни яиц в течение их, и каждый месяц или, самое редкое, каждые шесть недель будет исповедоваться и принимать причастие, и будет отправлять свою родню по меньшей мере ежегодно в пост для того же. И также что он на своем пути не допустит забыть о Римской Церкви, ради ее чести и роста, упомянув ее в своем завещании, что он защищает и обеспечивает вдов и сирот, поддерживает мужские и

женские монастыри, и то, что будет ^[S.436] отнято светскими властями он не оставит без внимания, но со всяческим старанием поможет вернуть это обратно так, словно это его собственное. Тем, которые охотно стали католиками, он окажет свою поддержку и поможет обосноваться в этой религии, но тех, кто к ней не принадлежит, он в своем служении не допустит и содействия им не окажет. Затем далее добавляется, что он будет читать молитву «Отче наш» 49 раз в день и столько же «Аве Мария», будет посещать Его Святейшество Папу в Риме раз в год, придет там в 7 церквей и совершит свое служение, а также с большим благоговением будет преподавать в церквях таинства и другие священные вещи, как святая вода и так далее. Наконец, и в заключение, ему должны быть запрещены и [от него] отсечены: всякая бесполезная болтовня, опьянение, распутство, содомские грехи и растление, чтобы он в своем положении рыцаря не оказался в беспорядочной жизни и другим, находящимся рядом с ним, не поддал дурной пример.

После того, как *Guardianus* прочитал клятву, написанную на пергамене, из книги, *Cavallier* снова опускается на колени, склоняет свое лицо, и обеими руками опирается на книгу, лежащую на алтарном камне Гроба, и *Guardianus* снова призывает монахов к молитве. Затем он достает меч и, повернув его плашмя, трижды делает над его головой и плечами крест, говоря: Повелением Бога и Римского престола и ради роста Римской Церкви я делаю сейчас N. N., члена Римской Церкви, рыцарем, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И далее добавляется, что в приемной Его Святейшества Римского Папы тот ему дает отпущение, ^[S.437] соделав свободным от всех его грехов. Он также дозволяет и повелевает, в силу принесенного им Его Святейшеству Папе обета, носить обычно и открыто красный крест на своих одеждах и своем гербе как знак, по которому его будут узнавать, и когда это приятно и уместно, чтобы он, всякий раз глядя на него, напоминал себе об обете, который он принес, дабы лучше и разумнее его соблюдать. Когда все это произойдет, и они снова помолятся, *Guardianus* желает ему радости о его положении рыцаря и радуется вместе со всем собранием, что он к познанию сего пришел и стал подлинным членом Римской Католической Церкви, и [говорит, что] вместе со всеми своими собратями он будет молить возлюбленного Бога о даровании ему долгой жизни, и чтобы он на благо Римского престола пребывал во здравии. Тотчас к нему подходят все монахи (когда он

стоит во всех надетых на него украшениях) и называют его братом. И после того, как они, один за другим, пожелают ему здоровья, *Guardianus* начинает петь *Te Deum Laudamus* и снимает обратно с него все украшения. Затем он проводит его в процессии с *Vicario* по святым местам, чтобы его также благословили в каждом из них, и когда это произойдет, они идут вместе трапезничать.